

Вейся ли, вейся, капуста,
 Вейся ли вейся, белая!
 Во саду ли во зеленом
 Гуляй, душечка родная.
 Как вечер на капусту,
 Как вечер на белую
 Частый дождик поливал.
 В кругу молодец гуляет,
 Себе пару выбирает:
 Лизавету — по совету,
 А Настасью — по согласью.
 Я Аленушку люблю,
 Шелковый платок куплю, —
 Сто рублей заплачу.
 Сто рублей нам нипочем!
 Гуляй, девка, с молодецом.

Б.М. Кустодиев
 ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК. 1910

мы ее обсели: и Сонечка, и Маня, и брат Коля, и старая кривая Васса, которая живет в темненькой и не отличит яблока от соломы, и Горкин с Марьюшкой. Маша все ужасается на яблоки и вскрикивает, как будто испугалась: «Да... барыня, какое!..» Сонечка дает ей большое яблоко и говорит: «А ну, откуси, Маша... очень ты хорошо, послушаем». Маша на яблоко смеется, закусывает крепко-звонко белыми-белыми зубами, сочными, как миндаль, и так это хорошо выходит — хру-хру... хру-хру, чмокается во рту, и видно, как сок по губам сочится. И все начинаем хрупать, но Маша хрупает лучше всех. Я сую ей украдкой яблоко, самое-самое большое, ищу карман. Она перехватывает мою руку и щурит глаз, хитро-умильно щурит. Так мне нравится на нее смотреть, что я сую ей украдкой другое яблоко. А на всех нас, на яблоки, на солому, на этот «сад», вытянув голову, засматривается из клетки затихший чего-то соловей — может быть, хочет яблочка. И на всю эту радость нашу взирает за голубой лампадкой старинная икона Владычицы Казанской едва различимым ликом.

Плотники поднимают отяжелевшие кадушки, выносят бережно. Убирают солому, подметают. Многие дни будут ходить по дому яблочный духи. И с какой же радостью я найду закатившееся под шкаф, ставшее духовитее и слаще антоновское «счастье»!..

М.В. Якунчикова-Вебер
 ОСИНКА И ЕЛОЧКА. 1896

Преподобный Сергий Радонежский

Дни памяти — 8 октября и 18 июля (25 сентября и 5 июля)

Борис Зайцев. Отрывки из повести «Преподобный Сергий Радонежский»

Святой Сергий родился более шестисот лет назад, умер более пятисот. Его спокойная, чистая и святая жизнь наполнила собой почти столетие. Входя в него скромным мальчиком Варфоломеем, он ушел одной из величайших слав России.

Как святой, Сергий одинаково велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность — сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвная канонизация в народного святого, что навряд ли выпала другому. <...>

Конечно, мало знаем мы о людях тех времен. И детство Сергия, в доме родительском, для нас в тумане. Все же общий некий дух можно уловить из сообщений Епифания, ученика Сергия, первого его биографа.

По древнему преданию, имяние родителей Сергия, бояр ростовских Кирилла и Марии, находилось в четырех верстах от Ростова Великого, по дороге в Ярославль. <...> Родители, «бояре знатные», по-видимому, жили просто, были люди тихие, спокойные, с крепким и серьезным складом жизни. Хотя Кирилл не раз сопровождал в Орду князей Ростовских, как доверенное, близкое лицо, однако сам жил небогато. Ни о какой роскоши, распущенности позднейшего помещика и говорить нельзя. Скорей напротив, можно думать, что домашний быт ближе к крестьянскому: мальчиком Сергия (а тогда — Варфоломея) посылали за лошадьми в поле. Значит, он умел и спутать их, и обратять. И подведя к какому-нибудь пню, ухватив за челку, вспрыгнуть, с торжеством рысцою гнать домой. Быть может, он гонял их и в ночное. И, конечно, не был барчуком.

Родителей можно представить себе людьми почтенными и справедливыми, религиозными в высокой степени. Известно, что особенно они были «страннолюбивы». Помогали бедным и охотно принимали странников. Вероятно, в чинной жизни странники — то начало ищущее, мечтательно-противящееся обыденности, которое и в судьбе Варфоломея роль сыграло.

Есть колебания в годе рождения святого: 1314–1322(3). Жизнеописатель глухо, противоречиво говорит об этом. <...>

Как бы то ни было, известно, что 3 мая у Марии родился сын. Священник дал ему имя Варфоломея, по дню празднования этого святого.

Особенный оттенок, отличающий его, продолжает лежать на ребенке.

Семи лет Варфоломея отдали учиться грамоте в церковную школу вместе с братом Стефаном. Стефан учился хорошо. Варфоломею же наука не давалась. Как и позже Сергий, маленький Варфоломей очень упорен и старается, но нет успеха. Он огорчен. Учитель иногда его наказывает. Товарищи смеются и родители усовещают. Варфоломей плачет одиноко, но вперед не двигается.

И вот деревенская картинка, так близкая и так понятная через шестьсот лет! Забрали куда-то жеребята и пропали. Отец послал Варфоломея их разыскивать. Наверное, мальчик уж не раз бродил так, по полям, в лесу, быть может, у побережья озера ростовского, и кликал их, похлопывал бичом, волочил недоузки. При всей любви Варфоломея к одиночеству, природе и всей его мечтательности, он, конечно, добросовестнейше исполнял всякое дело — эту чертой отмечена вся его жизнь.

М.В. Нестеров
ЮНОСТЬ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ
1892–1897

М.В. Нестеров
ОТРОК
ВАРФОЛОМЕЙ. 1889

Теперь он — удрученный неудачами — нашел не то, чего искал. Под дубом встретил «старца черноризца, саном пресвитера». Очевидно, старец его понял:

— Что тебе надо, мальчик?

Варфоломей сквозь слезы рассказал об огорчениях своих и просил молиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту.

И под тем же дубом стал старец на молитву. Рядом с ним Варфоломей — через плечо недоузки. Окончив, незнакомец вынул из-за пазухи ковчежец, взял частицу просфоры, благословил ею Варфоломея и велел съесть.

— Это дается тебе в знак благодати и для разумения Священного Писания. Отныне овладеешь грамотою лучше братьев и товарищей.

О чем они беседовали дальше, мы не знаем. Но Варфоломей пригласил старца домой. Родители

приняли его хорошо, как и обычно странников. Старец позвал мальчика в моленную и велел читать псалмы. Ребенок отговаривался неумением. Но посетитель сам дал книгу, повторивши приказание.

Тогда Варфоломей начал читать, и все были поражены, как он читает хорошо.

А гостя накормили, за обедом рассказали и о знаменьях над сыном. Старец снова подтвердил, что теперь Варфоломей хорошо станет понимать Священное Писание и одолеет чтение. Затем прибавил: «Отрок будет некогда обителью Пресвятой Троицы; он многих приведет за собой к уразумению Божественных заповедей».

С этого времени Варфоломей двинулся, читал уже любую книгу без запинки и — Епифаний утверждает — даже обогнал товарищей.

У Троицы

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Богомолье»

В Святых воротах, с угодниками, заходим в монастырскую лавку, купить из святостей.

Блестят по стенам иконки, в фольге и в ризах. Под стеклами на прилавке насыпаны серебряные и золотые крестики и образочки — больно смотреть от блеска. Висят четки и пояски с молитвой, большие кипарисовые кресты и складни, и пахнет приятно-кисло — священным кипарисом. Стоят в грудках посошки из можжевельки, с выжженными по ним полосками и мазками. Я вижу священные картинки «Видение птиц», «Труды преподобного Сергия», «Страшный суд». Все покупают крестики, образочки и пояски с молитвой — положим для освящения на мощи. Отец покупает мне образ Святой Троицы в серебряной ризе и говорит:

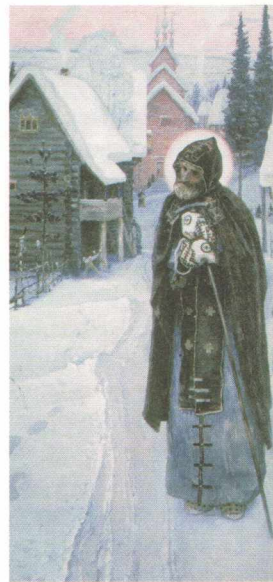
— Это тебе мое благословение будет.

Я не совсем это понимаю — благословение... для чего? Горкин мне говорит, что великое это дело.

— Отца-матери благословение — опора, без нее ни шагу... как можно! Будешь на него молиться, папеньку вспомнешь — помолишься.

Покупаем еще колечки с молитвой, серебряные, с синей и голубой прокладочкой, по которой светятся буквы молитвы — «преп. отче Сергие, моли Бога о нас». Покупаем костяные и кипарисовые крестики, с панорамкой лавры, и жития.

Красивый чернобровый монах, с румяными щеками, выкладывает пухлыми белыми руками редкости на стекло: крестики из коралла, ложки точеные, из кипариса, с благословляющей ручкой, с написанной на горбушке лаврой; поминанья кожаные и бархатные с крестиками из золотца на вскрышке, бархатные мешочки для просвирок, ларчики из березы, крестовые цепочки, салфеточные кольца с молитвою, вышитые подушечки — сердечком, молитвеннички, браслетки с крестиками, нагрудные образки в бархате... — всякие

М.В. Нестеров

♣ ТРУДЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ. 1896–1897. Триптих

М.В. Боскин

РЫНОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ

редкостные штучки. Говорит мягко-мягко, молитвенным голоском, напевно:

— На память о лавре Сергия преподобного... приобретите для обиходца вашего, что позрится... мальчику ложечку с вилочкой возьмите, благословение святой обители, для телесного укрепления... висячий кармашек для платочка, носик утирать, синелью вышит...
Не хочется уходить от святостей.

Отец покупает Горкину складень из кипариса — Святая Троица, Черниговская и преподобный Сергий. Горкин всплескивает: «Цена-то... четыре рубли серебром!» И Антипушке покупает образок Преподобного на финифти. И Анюте с Домной Панферовой — серебряное колечко и сумочку для просвирок. А Феде — картинку, «Труды преподобного Сергия в хлебной»:

— В бараночной у себя повесишь — слаще баранки будут.

И еще покупает, многое — всем домашним.

<...>

У Золотого Креста пьют воду богомольцы, звякают кружками на цепочках, мочат глаза и голо-

вы. Пьем и мы. Смотрим — везут расслабленного, самого того парня, которому отдал свои сапоги Федя. У парня руки лежат крестом, и на них, на чистой рубахе из холстины, как у покойника, — новенький образок угодника. И сапоги Федины в ногах! Приехали, целым-целы.

Старуха узнает нас и ахает, словно мы ей родные. Парень глядит на Федю и говорит чуть слышно:

— Сапоги твои... вот надену...

Глаза у него чистые, не гноятся. В народе кричат:

— Пустите, болящего привезли!

Старухе дают кружку с оборванной цепочкой. Она крестится ею на струящийся блеск креста, отпивает и прыскает на парня. Он тоже крестится. Все кричат:

— Глядите, расслабленный-то ручку поднял, перекрестился!..

Велят поливать на ноги, и все принимаются поливать. Парень дергается

и морщится и вдруг — начинает подниматься! Все кричат радостно:

— Глядите-ка, уж поднялся!.. Ножками шевелит... здоро-вый!..

Приподнимают парня, подсовывают под спину сено, хватают под руки, крестятся. И парень крестится, и сидит! Плачет над ним старуха. Все кричат, что чудо живое совершилось. Парень просит девочку:

— Дунька, водицы испить...

Попить-то и не дали! Суют кружки, торопят:

— Пей, голубчик... три кружки зараз выпей!.. Сейчас подынешься!..

Иные остерегают:

— Много-то не пей, не жадничай... вода дуже студеная, как бы не застудиться?..

Другие кричат настойчиво:

— Больше пей!.. Святая вода, не простужает, кровь располирует!..

Горкин советует старухе:

— К мощам, мать, приложи... и будет тебе по вере.

И все говорят, что — бу-дет! Помогают везти тележку, за нею идет народ, слышится визг колесиков.

У колокольни кто-то кричит под благовест:

— Эй, на-ши... замоскворецкие!..

Оказывается — от Спаса в Наливках диакон, которого встретили мы под Троицей. Теперь он благообразный, в лиловой рясе. И девочки все нарядные, как цветы. И певчие наши тут же. Все обнимаемся. Диакон машет на колокольню и восторгается:

— Что за глас! Сижу и слушаю, не могу оторваться... от младости так, когда еще в семинарии учился.

Говорят про колокола и певчие — все-то знают:

— Сейчас это «Корноухий» благовестит, маленький, тыща пудов всего. А по двенадцатым — «Царь»-колокол ударяет, и на ногах тут не устоишь.

М.В. Боскин

► СЕРГИЕВ ПОСАД, 1904

И.А. Каверзнев

У РАКИ ПРЕПОДОБНОГО
СЕРГИЯ

► Икона

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ
РАДОНЕЖСКИЙ

Диакон рассказывает, что после обедни и «Переспор» услышим: и колоколишка-то маленький, а все вот колокола забьет-накроет. Певчие хвалят «Лебедя»:

— За Славословием-то вчера слышали? Чистое серебро!

Диакон обещает сводить нас на колокольню — вот посвободней будет, — отец звонарь у него приятель, по всем-то ярусам проведет, покажет.

Надо спешить в собор.

Народу еще немного, за ранними отмолились.

В соборе полутемно; только в узенькие оконца верх светят полоски солнца, и вспыхивают в них крыльями голубки. Кажется мне, что там небо, а здесь земля. В темных рядах иконостаса поблескивают искры, светятся золотые венчики. По стенам — древние святые с строгими ликами. На крылосе вычитывают часы, чистый молодой голос сливается с пением у мощей:

*Преподо-бный отче Се-ргие...
Моли Бога о на-ас!..*

Под сенью из серебра, на четырех подпорах, похожей на часовню, теплятся разноцветные лампы-звезды, над ракой преподобного Сергия. Пригробный иеромонах стоит недвижимо-строга, как и вчера. Непрестанно поют молебны. Горкин просит монаха положить на мощи образочки и крестики. Желтые огоньки от свечек играют на серебре и золоте. Отец берет меня на руки. Я рассматриваю лампы на золотых цепях, большие и поменьше, уходящие в глубину, под сень. На поднятой створе раки из серебра я вижу образ угодника: Преподобный благословляет нас. Прикладывается народ: входит в серебряные застройки, поднимается по ступенькам, склоняется над ракой. И непрестанно поют-поют:

*Преподо-бный отче
Се-ргие...
Моли Бога о на-ас!..*

Поет и отец, и я напеваю внутренним голосом, в себе. Слышится позади:

— Пустите... болящего пустите!..

Покров Божней Матери

14 октября (1 октября)

Полюбился чем-то особенно этот праздник русским людям, русским семьям. К Покрову Пресвятой Богородицы прибегают за помощью многие матери, жены. Нигде его больше не отмечают — только у нас в России. Хотя событие, которое легло в основу праздника, произошло не у нас — в Константинополе, во Влахернской церкви. Увидел во время службы святой Андрей, Христа ради юродивый, Богородицу, идущую по воздуху. Она молилась об избавлении христиан от вражеского нашествия, а окончив молитву, сняла со своей головы покрывало (мафорий) и распростерла над молящимися людьми. Покров в Ее руках

сиял «паче лучей солнечных». Видел это чудесное явление и ученик Андрея — Епифаний.

Праздник Покрова был установлен на Руси стараниями святого князя Андрея Боголюбского в середине XII века. Вблизи Владимира был построен храм Покрова на Нерли — шедевр древнерусского зодчества. Позже на Красной площади воздвигли собор в честь Покрова Божией Матери (храм Василия Блаженного).

Как знак особой любви к Царице Небесной и к празднику Покрова, у нас в России была написана и особая икона — «Покров Пресвятой Богородицы над землею Русскою».

Тропарь, глас 4:

*Днесь благовернии людие, светло празднуем,
осеняеми Твоим, Богомати, пришествием,
и к Твоему взираючи Пречистому образу, умильно глаголем:
покрый нас честным Твоим Покровом
и избави нас от всякаго зла,
молящи Сына Твоего,
Христа Бога нашего, спасти души наша.*

Икона
ПОКРОВ. Середина XVI века

Покров

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Лето Господне»

Отец ходит с Горкиным по садику и разговаривает про яблоньки. Редко, когда он говорит не про «дела», а про другое, веселое: а то все рощи да подряды, да сколько еще принанять народу, да «надо вот поехать», да «не мешайся ты тут со своими пустяками». И редко увидишь его дома. А тут, будто на гулянье или когда ездил на богомолье с нами, — веселый, шутит, хлопает Горкина по спине и радуется, какая антоновка-то нонче богатая. Горкин тоже рад, что отец душеньку отводит, яблочками занялся, и тоже хвалит антоновку: и червь не тронул, и цвет морозом не побил, а вон белый налив высох, от старости пожалуй.

— Коль подсаживать, так уж онтоновку, Сергей Иванович... — поокивает он ласково, — пяток

бы еще корней, и яблока покупать не будем для моченья.

Я вспоминаю, что скоро радостное придет, «покров» какой-то, и будем мочить антоновку. «Покров»... — важный какой-то день, когда кончатся все «дела», землю снежком покроет, и — «Крышка тогда, шабаш... отмаялся, в деревню гулять поеду», — говорил недавно Василь Василич. И все только и говорят: «Вот подойдет Покров — всему развяза». Я спрашивал Горкина, почему — «развяза». Говорит: «А вот, все дела развяжутся, вот и Покров. И скорняк говорил наперед: «После Покрова работу посвалю, всех на зиму покрою, тогда стану к вам приходить посидеть вечерок, почитать с Панкратычем про священное». А еще отец говорил недавно:

— Хочу вот в Зоологическом саду публику удивить, чего никогда не видано... «ледяной дом» запустим с бенгальскими огнями... вот, после Покрова, уж на досуге обдумаем.

Что за «ледяной дом»? И Горкин про дом не знает, — руками так, удивляется: «Чудит папашенька... чего уж надумает — не знаю». И я жду с нетерпением, когда же придет «покров». Сколько же дней осталось?..

— А ты вот как считай — и ждать тебе будет веселей, а по дням скушно будет отсчитывать... — объясняет Горкин. — Так вот прикидывай... На той неделе, значит, огурчики посолим, на Иван-постного, в самый канун посолим... а там и Воздвиженье, Крест Животворящий выносят... — капустку будем рубить, либо чуток попозже... а за ней, тут же наскорях, и онтоновку мочить, под самый под Покров. До Покрова три радости те будет. А там и зубы на полку, зима... будем с тобой снег сгребать, лопаточку тебе вытешу, мой Михайлов день подойдет, уж у нас с тобой свои посиделки будут. Будем про святых мучеников вычитывать, запалим в мастерской чугунок сосновыми чурбаками. И всего у нас запасено будет, ухитимся потеплее, а над нами Владычица, Покровом своим укроет... под Ее Покровом и живем. И скажет Господу: «Господи, вот и зима пришла, все наработались, напаслись... благослови их, Господи, отдохнуть, лютую зиму перебыть, Покров Мой над ними будет». Вот тебе и — Покров.

Так вот что это — Покров! Это — там, высоко, за звездами: там — Покров, всю землю покрывает, ограждает. Горкин и молитву Покрову знает, говорит: «Сама Пречистая на большой высоте стоит, с Крестителем Господним и твоим ангелом — Иван Богословом, и со ангельскими воинствами, и держит над всей землей великий Покров-омофор, и освящается небо и земля, и все церкви засветятся, и люди возвеселятся».

Б.М. Кустодиев
СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

А я — увижу? Нет: далеко, за звездами. А один святой человек видал, дадено ему было видеть и нам возвестить, — в старинном то граде было, — чтобы не устрашались люди, а жили-радовались.

— Потому, милоч, и не страшно нам ничего под таким-то Покровом. Нам с тобой не будет ничего страшно: роботай знай — и живи, не бойся, заступа у нас великая.

Теперь, ложась спать, я молюсь Богородице Казанской, — темная у нас икона в детской. Молюсь и шурюсь... Вижу лучики — лучики лампадки, будто это на небе звездочки, и там, высоко, за звездами, — сверкающий омофор-Покров. И мне ничего не страшно.

Если бы увидеть — т а м, высоко, за звездами?!..
<...>

Вот и Покров пришел, праздник Владычицы Пречистой — во всю землю Ее Покров. И теперь ничего

не страшно. Все у нас напасено, зима идет, а мы ухитимся потеплей, а над нами Владычица — т а м, высоко, за звездами.

Я просыпаюсь рано — какой-то шум?.. Будто загромыхали ванной? Маша просовывает в дверь голову, неубранную, в косах. Подбегает к моей постельке, тычется головой в подушку, кусает меня за щечку и говорит, в улыбке:

— Ду-сик... глазастенький, разунь глазки... маменька Катюшу подарила, нонче ночью! Вчера яблочко кушала, а вот и Катюша нам!..

Щекочет у моего носа кончиком косы, и весело так смеется, и все называет — «дусик». Отмахивает розовую занавеску — и вот солнце! Праздничное, Покров.

В столовой накрыто парадно к чаю. Отец — парадный, надушенный, разламывает горячий калач над чаем, намазывает икрой, весело смотрит на меня.

— Маленькая Катюшка... — говорит он особенно, прищурясь и показывает головой на спальню. — Теперь, мальчонка, у нас пяток! Рад сестренке?

Я бросаюсь к нему, охватываю его руками и слышу, как пахнет икрой чудесно, и калачом, и самоварным паром, и бульканьем, любимыми, милыми духами — флердоранжем.

— Вот тебе от Катюшки нашей... розовая обновочка!..

И только теперь я вижу — новые розовые чашки, розовый чайник с золотым носиком, розовую полоскательную чашку, розовую, в цветочках, сахарницу... — и все в цветочках, в бело-зеленых флердоранжах! Все такое чудесно розовое, «Катюшино»... совсем другое, что было раньше. Чашечки не простые — совсем другие: уже и уже кверху, «чтобы не расплескалось», — весело говорит папашенька: «Так и зови — «Катюшки»».

И вдруг слышу, за дверь спальни, — такое знакомое, смешное... — «у-а-а... у-а-а-а...»

— Новый-то соловей... а? Не покупной соловей, а свой! — весело говорит отец. — А самое главное... мамашенька здорова. Будешь молиться — Катюшеньку прибавляй, сестренку.

И намазывает мне икрой калачик.

Большое солнце, распелись канарейки, и в этом трескучем ливне я различаю новую теперь, нашу, песенку — «у-а-а... у-а-а-а...». Какой у нас свет, какая у нас радость!.. Под самый Покров Владычицы.

Разъехались плотники по домам, в деревню, зиму перебивать. И у них запасено на зиму. Ухитятся потеплее, избы закутают соломой — и над ними Покров Ее, и теперь ничего не страшно. И Василь Василич отмаялся, укатил в деревню, на недельку: нельзя, Покров. Горя с народом принял: каждого тоже рассчитывать, все гривеннички помнить, что забрали за полгода работы, никого чтобы не обидеть, не утеснить: ни отец этого не любит, ни Горкин. Намаялся-таки, сердешный, целую неделю с утра до ночи сидел в мастерской за столиком, ерошил свои вихры, по-

стреливал косым глазом и бранился: «А, такие... спутали вы меня!..» Народу до двухсот душ, а у него только каракульки на книжке, кружочки, елочки, хвостики... — как уж разбирается — не понять. Всем вот давал вперед, а теперь и сам тот не разберет! Горкин морщится, Василич все — тот да тот. Ну, теперь всем развязал: пришел Покров.

И земле ухититься тоже надо: мороз ударит. Благослови ее, Господи, отдохнуть, лютую зиму перебить. Покров и над нею будет.

А у Горкина новая шуба будет: «земной покров». Отец подарил ему старую свою, хорьковую, а себе заведет новинку, «Катюшкину». Скорняк уже перебрал, подпустил парочку хоря, и теперь заправская будет шуба — прямо купец с Рядов. И мне тоже «земной покров»: перетряхнули мой армячок бараний, подправили зайчиком в рукава — катая с горки с утра до вечера, морозу не добратся. И — очень порадовался Горкин: с канителью развязал наступила. Дениса не узнаешь: таким-то щеголем ходит, в запашной шубе, совсем молодчик, — вчера показывал. Сватанье — огрызанье кончилось: сосватались, слава Богу, с Машей, свадьба на Красной горке, нельзя раньше: приданое готовить надо, и по дому много дела, теперь Катюшка, а мамашенька привыкли к Маше, просила побыть до Пасхи.

— Дениса старшим приказчиком берет папашенька, Василичу правая рука. Вот и Маша покроеся... как хорошо-то, касатик, а?..

Да, хорошо... Покров. Там, высоко, за звездами. Видно в ночном окне, как мерцают они сияньем за голыми прутьями тополей. Всегда такие. Горкин говорит, что такие будут во все века. И ничего не страшно.

Я смотрю на лампадку, за лампадку... в окно, на звезды, за звездами. Если бы в се увидеть, как кто-то видел, в старинном граде!.. Стараюсь вспомнить, как Горкин учил меня вытвердить молитву, новую, Покрову... длинную, трудную, трудную молитву. Нет, не помню... только короткое словечко помню: «О, великое заступление печальным... еси...»

Покровские свадьбы

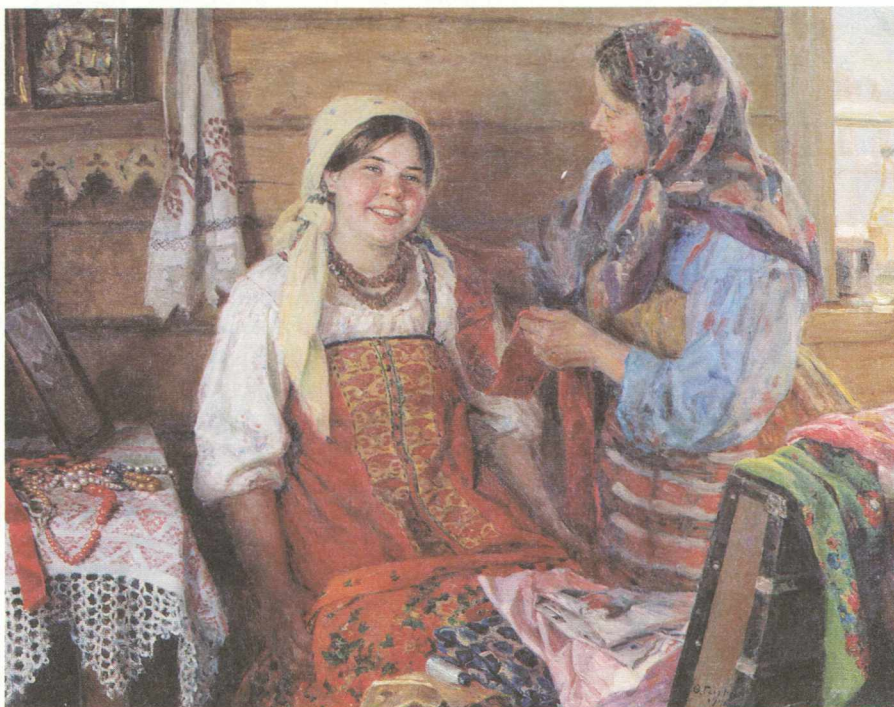
Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

В Сибири говорят: «Покров не лето, а Сретенье не зима». В северных губерниях поселения говорят: «На Покров первое зазимье». В Тульской губернии замечают: «Если на Покров ветер подует с востока, то зима будет холодна». <...>

С первого октября в селах начинаются свадьбы. Наши старушки выпадение снега на этот день считают счастливым предзнаменованием для об-

рученных. Тогда девицы говорят: «Батюшка Покров, покрой сыру землю и меня молодую». Иные говорят: «Бел снег землю прикрывает, не меня ли молодую замуж снаряжают?»

Покровское гулянье считается последним игрищем у поселян и горожан. Гулянье в Покровском доселе напоминает москвичам об окончании войны 1613 года.

*Скоро, девушки, Покров,
Скоро нам гуляночка,
Скоро-скоро заиграет
Милого тальяночка.*

Ф.В. Сычков
СОБИРАЮТСЯ В ГОСТИ
1940

Ф.В. Сычков
▶ АСТРЫ. 1940

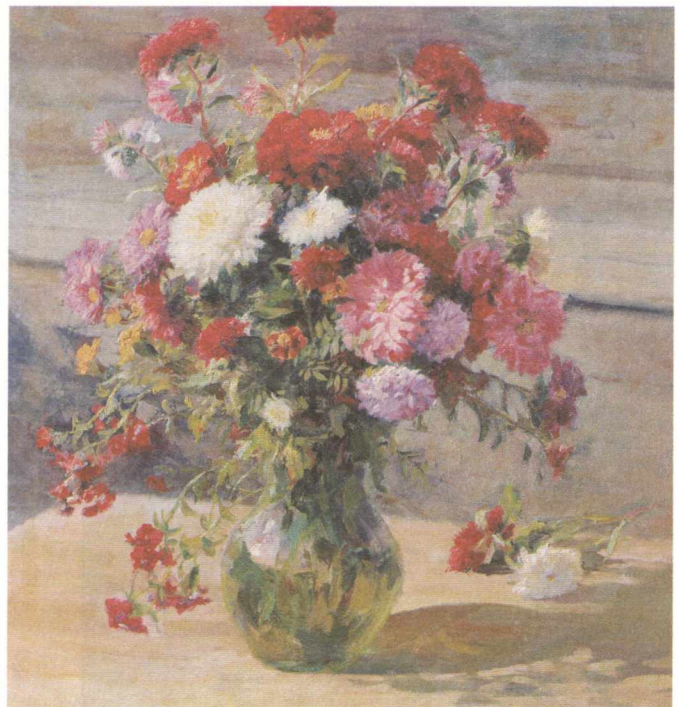

ХОРОША НАША ДЕРЕВНЯ
Открытка. Конец XIX — начало XX века

Б.В. Зворыкин
СУХАРИ С ВОДОЮ, АБЫ СЕРДЦЕ С ТОБОЮ
Открытка. 1907

Мне не жаль-то платка, платка алого —
Только жаль-то дружка, дружка милого!
Покрывала платок аленький, покрывала,
Потеряла не знай где, не знай где.
Мне не жаль-то платка, платка алого,
Только жаль-то дружка, дружка милого:
Хорош миленький уродился,
Во бурлачужки подрядился —
Во все лето-летичко до Покрова праздничка:
Ой ли Покров праздничек к нам приходит,
Ой ли все бурлачужки с Волги идут,
А моего-то дружка долго нету.
Ой ли пойду-то я сразу во светлицу,
Уж и погляжу-то я, погляжу из окошка в окошко:
Не плывет ли лодочка с Волги?
Уж сверху лодочка завиднелась,
Черна шляпа зачернелась!

Песни ДЕВИЧНИКА

Раскачалась грушица,
Перед яблонькой стоючи,
Расплакалась Авдотьюшка,
Перед батюшкой стоючи:

— Государь ты, мой батюшка,
Ты к чему рано вино куришь?
Ты к чему рано пиво варишь?
Ты к чему рано ставишь меды сладкие?

— Ты дитя ли мое, дитяtko,
Ты дитя ли мое милое!
Я хочу тебя замуж отдать
Не за князя, не за барина —
За того ли сына гостиного.

— Государь ты, мой батюшка!
Нельзя ль думу раздумати,
А меня замуж не выдати?
— Ты дитя ли мое, дитяtko,
Ты дитя ли мое милое!
У нас дело-то сделано,
По рукам у нас ударено,
Быть сговору-девичнику,
Быть девичьему вечеру.
В воскресенье тебе, дитяtko,
К суду Божию ехати,
Под златым венцом стояти
Со удалым добрым молодцем,
Со Филатом Парамонычем.
Не долго веночку на ступке висеть,
Не долго Авдотьюшке в девушках сидеть,
Не долго Васильевне русу косу плесть.
Вечор мою косушку девушки плели,
Плели, плели косушку, золотом вили,
Вили, вили золотцем, жемчуг низали.
Плакала Авдотьюшка по русой косе:
«Коса ль, моя косушка, русая коса!
Бывало, я тебя, косушка, часто гладила,
Бывало, я тебя, русая, мелко плетала,
А теперь, косушка, в год однова.

А.И. Корзухин
ДЕВУШКА, ЗАПЛЕТАЮЩАЯ КОСУ. 1983

П.Г. Кипарисов
▶ ПЕСНЯ. 1957

Во трубушку трубила рано на заре,
Рано-то, ранешенько свашенька пришла,
Пришла, пришла свашенька не милостлива,
Начала мою косушку и рвать, и метать,
Начала мою русую на две заплетать.
Плесть — не плесть мою косушку — все на две косы,
Вить — не вить мою русую — кругом головы,
Быть — не быть Авдотьюшке — Павловой женой...»

Сборы вы, сборы Аннушкины!
Сбирала Аннушка всех подруг,
Садил подруженек ряд по ряды,
Сама-то садилась повыше всех,
Задумала думушку покрепче всех:
«Как-то мне назвать свекра-батюшку?
Свекром-те назвать — так осердится,
Батюшкой назвать — так не хочется,
Убавлю я себе спеси-гордости,
Прибавлю себе ума-разума:
Назову свекра батюшкой».

Песни дня свадьбы

— Матушка, что не пыль-то во поле,
Сударыня моя, что не пыль-то запылилась!

— Дитяtko, разыгрались то кони,
Свет милая моя, разыгрались воронье.

— Матушка, как по улице-то ездят,
Сударыня моя, по широкой разъезжают!

— Дитяtko, да и к нам не поворотят,
Свет милая моя, да и к нам не поворотят.

— Матушка, как на двор-то въезжают,
Сударыня моя, на широкий двор въезжают...

— Дитяtko, да и стой ты, не пугайся,
Свет милая моя, я не отдам тебя замуж.

— Матушка, как во горницу-то входят,
Сударыня моя, во новую-то вступают...

— Дитяtko, да и стой ты, не пугайся,
Свет милая моя, я не отдам тебя замуж!

— Матушка, как за стол-то садятся!
Сударыня моя, за дубовый стол садятся!

— Дитяtko, да и стой ты, не пугайся,
Свет милая моя, я не отдам тебя замуж!

— Матушка, как за рученьку берутся,
Сударыня моя, за праву руку берутся!

— Дитяtko, ну ступай же, Бог с тобою,
Свет милая моя, ну ступай же, Бог с тобою!

И.С. Куликов

▶ СТАРИННЫЙ ОБРЯД
БЛАГОСЛОВЕНИЯ НЕВЕСТЫ
В ГОРОДЕ МУРОМЕ. 1909

Не было ветру, вдруг навёнуло,
Не было гостей, вдруг наехало, —
Полон двор, полна горница:
Наступили на новые сени, —
Обломили сени новые,
Раздавили чару золоту,

Упустили соловья из сада.
Восплакалась свет-Марьюшка:

«Свет-то мои сени новые!
Свет-то моя чара золота!
Свет-то мой соловей из сада!
Кто ж меня рано будить буде?
Рано будить, поздно утешать!»

«Да я у тебя, соловей, на руке,
Я у тебя, Иван Васильевич!

Я тебя буду рано будить,
Я тебя буду поздно утешать!»

Прочитание невесты во время ее благословения

Светел месяц, родимый батюшка,
Красно солнышко, родимая матушка!
Мне не надобно ни золота, ни серебра,
Прошу вашего честного благословения!
Вьюн на воде убивается,
Зять у ворот убивается:
«Тесть, мой тесть,
Тесть ты мой ласковый,
Тесть приветливый!
Дай мой дар, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вывел тесть коня в седле.

«Это не мой дар, это не мой суженый,
Не мой ряженный».
Вьюн на воде убивается,
Зять у ворот убивается:
«Теща моя, теща ласковая,
Теща приветливая!
Дай мой дар, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вынесла теща сундук с добром.
«Это не мой дар, не мой суженый,
Не мой ряженный!»

Вьюн на воде убивается,
Зять у ворот убивается:
«Тесть мой, тесть,
Тесть мой ласковый,
Тесть приветливый!
Дай мой дар, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вывел тесть Аксинью.
«Вот мой дар, вот мой суженый,
Вот мой ряженный!»

Песни подруг невесты к друзьям и сватам

Друженька хорошенький,
 Друженька пригоженький!
 Ты по лавкам скакал,
 Пирог с полка таскал.
 Друженька хорошенький,
 Друженька пригоженький!
 Пирог с полка таскал
 Да за пазуху совал,
 Друженька хорошенький,
 Друженька пригоженький!
 По подлабочью бродил
 Да мышей наловил!
 Друженька хорошенький,
 Друженька пригоженький!
 Ты мышей наловил,
 Свахе шубу сшил,
 Друженька хорошенький,
 Друженька пригоженький!

Уж ты, свашенька, умная,
 Уж ты, хорошая боярыня,
 В большо место посаженная,
 Авдотья Ивановна!
 Слышала ли, свашенька,
 Мы тебе песню поем,
 По имени называем,
 По отчеству величаем!
 Станешь дарить,
 Станем хвалить,
 Не станешь дарить,
 Станем корить!

Бестолковый сватушка!
 По невесту ехали,
 В огород заехали,
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили.
 Верее молилися:
 — Веря, верейюшка,
 Укажи дороженьку
 По невесту ехати!
 Сватушка, догадайся,
 За мошоночку принимайся.
 В мошне денежки шевелятся,
 Они к девушкам норваются,
 А копейка ребром становится,
 Она к девушкам норвится!

Прощальная

Вечор перепелочка
Во саду щекотала,
К утру бела света
Ее в тереме не стало.
Знать, к нашей перепелочке
Соколы прилетали,
Ее с собой взяли,
Кречету отдавали.
Знать, вечор наша подруженька
В тереме сидела
Да громко речи говорила.
К утру до бела света
Ее в тереме нету.
Знать, к нашей подруженьке
Бояра заезжали,
Бояра приезжали,
Ее с собой брали,
Молодую отдавали:
«Вот тебе, молодец,
Красная девица
С русою косою,
С ясными очами,
С черными бровями».

А.П. Рябушкин
♣ СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД
В МОСКВЕ (XVII СТОЛЕТИЕ)
1901

А.П. Рябушкин
♣ В ГОСТИ. 1896

Величальные песни свадебного пира

Ой, заря моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Ой, люли, яли, яли, али я!
Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхоее,

Высоко восходило,
Далеко осветило!

Через лес и через поле,
Через синее море.

Там лежала жердочка,
Жердочка-жестяночка.

Как по той по жердочке
Там никто не хаживал,

Там никто не хаживал,
Никого не важивал,

Перешел Иванушка,
Перешел Васильевич,

Перевел, ой, Марьюшку,
Перевел Ивановну,

Переведши, целовал,
Целовавши, миловал,

Переведши целовал,
Еще дружкой называл:

— Ой, дружка, свет-Марьюшка,
Животы ль, Ивановна!

Ты меня уважала,
Ты меня убажала,

На улицу выходила,
Отца с матерью забыла,

Отца с матерью забыла,
Меня, младца, полюбила!

А кто ж у нас холост,
 А кто ж у нас не женат?
 Иванушка холост,
 Васильевич не женат.
 Он хорошо ходит,
 Манерно ступает,
 Сапог не ломает,
 Чулок не марает.
 На коня садится,
 Под ним конь бодрится,
 Он плеточкой машет,
 Под ним кони пляшут.
 Со двора съезжает,
 Мати провожает:
 «Поди, мой хороший,
 Поди, мой пригожий,
 Холост не женатый,
 Белый кудреватый!»
 К лугам подъезжает —
 Луга зеленеют,
 К рекам подъезжает —
 Реки разливаются,
 По улице едет —
 Вся улица стогнет,
 К дворам подъезжает —
 Народ весь встречает.

Е.М. Бем
 ▼ ЧЕМ МЫ НЕ ЖЕНИХИ?
 ВСЯКАЯ НЕВЕСТА ДЛЯ СВОЕГО
 ЖЕНИХА РОДИТСЯ!

К. Вещилов
 ▲ НЕВЕСТУ ЖДУТ. Открытка
 Конец XIX — начало XX века

А.П. Рябушкин
 † ОЖИДАНИЕ НОВОБРАЧНЫХ
 ОТ ВЕНЦА В НОВГОРОДСКОЙ
 ГУБЕРНИИ. 1891

Богородица

Архимандрит Тихон (Агриков)

О святая Русь! Как ты сильна своими святыми! Как могуча за молитвами и покровом Небесной Царицы. Велика твоя любовь к Заступнице рода христианского, слезы твои проливаются пред Нею и поныне. <...>

Мать Божия путешествовала по всей Российской земле. Все чудотворные иконы, как могучие звезды, освятили многие города России. Вот Она, в лучах, явилась на киевских горах; в горящем огненном столпе, колеблющемся и возвышающемся, явилась Она в Почаеве. В Тихвине явилась Она в тихих утренних водах густого тумана; в Троице-Сергиевой лавре, в Вифанском скиту явилась она в бедной келии старого инока; глубоко в земле обрели Ее, сияю-

щую и благословляющую, в городе Казани. В Печорах, в Глинской пустыни, в Жировицах, в Мукачевском женском монастыре, а в бедных монашеских келиях, а в одиноких городских комнатках неведомых миру монахинь и девиц, — везде Она являет свой светлый лик и нежно-матерински укрепляет утомленные и измученные души. <...>

Ее видели, как Она, облаченная в бледную одежду лунного цвета, с сострадательным и болезнующим ликом обходила ряды павших бойцов.

Она нежно склонялась над каждым из них и возлагала на их головы мученические венцы. <...>

А в мирной жизни Владычица, не давая себе покоя, обходит те места, где льются слезы, где гаснет последняя надежда жизни. Ее нет в больших светлых театрах, на шумных торжищах городов. Нет Ее и в богатых веселых домах, где живут беспечно и в достатке; может быть, Ее даже нет и в храмах, наполненных блеском честолюбия и лицемерно-показного служения.

А где же Она, наша Мать Божия? Она там, где искрится покаяние, где льются слезы, безнадежно оставленная миром осмеянная душа дрожащими устами призывает Ее святое имя; Она — в бедных обителях, в убогих захолустных храмах, в крестьянских хатах, в девичьих келиях, — ходит Она по этим местам, обессиленным и измученным от жизни душам подает Свою материнскую ласку, любовь, отраду и благодатное утешение. Она — великая паломница во всей Русской земле, ко всем русским людям, в которых еще теплится вера и любовь к Ее возлюбленному Сыну.

«Пресвятая Богородице, спаси нас», — вздыхает к Ней всякое верующее сердце.

И, кажется, не может Она покинуть Русь, хотя и оскорблена, унижена, осмеяна и поругана ею...

Икона ЯВЛЕНИЕ БОГОМАТЕРИ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ. Первая половина XVI века

▶ Икона БОГОМАТЕРЬ КАЗАНСКАЯ. XVIII век

Казанская икона Божией Матери

4 ноября и 21 июля (22 октября и 8 июля)

Эта икона была обретена через 27 лет после покорения Казани царем Иоанном Грозным.

В 1579 году Божия Матерь явилась во сне девочке Матроне в Казани и повелела найти в указанном месте Свою икону. Девочка рассказала сон матери, но

та не придала ему значения. Тогда Богородица явилась девочке в таком строгом виде, что Матрона уговорила мать рассказать об этом сне священнику. 8 июля мама с дочкой принялись копать в указанном Царицей Небесной месте. И вот Матрона увидела сияющую икону Божией Матери. Ее торжественно отнесли в храм присутствующие здесь священнослужители. Настоятелем храма был священник Ермолай (будущий патриарх Гермоген). После отслуженного молебна произошло чудо — прозрели два слепца, Иосиф и Никита. По приказу Иоанна Грозного на месте явления иконы был построен женский монастырь.

Казанская икона стала любимой для русских семей. Особенно часто к ней прибегали за помощью матери, проводившие на военную службу своих сыновей и мужей, а также воины, боровшиеся за освобождение родной земли, перед самыми ответственными сражениями. Вот и в Смутное время, когда

Патриарх Гермоген призывал русских людей сплотиться для спасения Москвы от польского войска, промыслом Божиим Казанская икона попала в народное ополчение Минина и Пожарского. Перед походом ополчение три дня постилось и молилось

Господу и Его Пречистой Матери. Затем ополчение двинулось к Москве, неся перед собой образ Казанской Богоматери.

22 октября 1612 года был взят Китай-город. Святая икона Казанской Божией Матери была поставлена на площади против Никольских ворот Кремля. 26 октября Кремль был освобожден. В следующий воскресный день народное ополчение совершило крестный ход к Лобному месту с чудотворной иконой. Когда торжественное шествие вышло на Красную площадь, навстречу ему из Кремлевских ворот вышел архиепископ Арсений, сопровождаемый духовенством, с чудотворной иконой Владимирской Божией Матери и другими святынями Кремля, находившимися до тех пор в плену. Тысячи людей со слезами благодарности прикладывались к иконам.

На Красной площади, исполняя обет, князь Пожарский поставил церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, впоследствии — Казанский собор.

Филипповки

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Лето Господне»

Завтра заговины перед Филипповками. Так Рождественский пост зовется, от апостола Филиппа: в заговины 14 числа ноября месяца как раз почитание его. А там и Введение, а там и Николин день, а там... Нет, долго еще до Рождества.

— Ничего не долго. И не оглянешься, как подкатит. Самая тут радость и начинается — Филипповки! — утешает Горкин. — Какая-какая... самое священное пойдет, праздник на празднике, душе свет. Крестного на Лександру Невского поздравлять пойдем, пешком по Москве-реке, 23 числа ноября месяца. Заговеемся с тобой завтра. Пощенья у нас пойдет, на огурчиках — на капустке кисленькой-духовитой посидим, грешное нутро прочистим, — Младенца Христа встречать. Введение вступать станет — сразу нам и засветится.

— Чего засветится?

— А будто звезда засветится, в разумлении. Как так не разумею? За всеобщей воспоют, как бы в преддверии, — «Христос рождается — славите... Христос с небес — срящите...» — душа и воссияет: скоро, мол, Рождество!.. Так все налажено — только разумей и радуйся, ничего и не будет скушно.

На кухне Марьюшка разбирает большой кулек, из Охотного ряда привезли. Раскапывает засыпанных снежком судаков пылкого мороза, белопуzych, укладывает в снег, в ящик. Судачки крепкие, как камень, — постукивают даже, хвосты у них ломкие, как лучинки, искрятся на огне, — морозные судачки, седые. Рано судак пошел, ранняя-то зима. А под судачками, вся снежная, навага! — сизые спинки, в инее. Все радостно смотрят на навагу. Я царапаю ноготком по спинке, — такой холодок приятный, сладко немеют пальцы.

Вспоминаю, какая она на вкус, дольками отделяется, и «зернышки» вспоминаю: по две штучки у ней в головке, за глазками, из перламутра словно, как огуречные семечки, в мелких-мелких иззубринках. Сестры их набирают себе на ожерелья, — будто как белые кораллы. Горкин наважку уважает, — круп-ная-то какая нонче! — слаще и рыбки нет. Теперь уж не сдас зима. Уж коли к Филипповкам навага, — пришла настоящая зима. Навагу везут в Москву с далекого Беломорья, от соловецких угодников, рыбка самая нежная, — Горкин говорит — «снежная»: оттепелью чуть тронет — не та наважка; и потемнеет, и вкуса такого нет, как с пылкого мороза. С Беломорья пошла навага, — значит, и зима двинулась: там ведь она живет.

Заговины — как праздник: душу перед постом порадовать. Так говорят, которые не разумеют по-духовному. А мы с Горкиным разумеем. Не душу порадовать, — душа радуется посту! — а мамону, по слабости, потешить.

— А какая она, ма-мона... грешная? Это чего, мамона?

— Это вот самая она, мамона, — смеется Горкин и тычет меня в живот. — Утро-ба грешная. А душа о посте радуется. Ну, Рождество придет, душа и воссияет во всей чистоте, тогда и мамоне поблажка: радуйся и ты, мамона!

Рабочему народу дают заговеться вдоволь, — тяжела зимняя работа: щи жирные с солониной, рубец с кашей, лапша молочная. Горкин заговляется судачком, — и рыбки постом вкушать не будет, — судачьей икоркой жареной, а на заедку драчену сладкую и лапшицу молочную: без молочной лапши, говорит, не заговины. <...>

После ужина матушка велит Маше взять из буфета на кухню людям все скромное, что осталось,

А.А. Бобров
ВНУТРЕННИЙ ВИД КОМНАТЫ. 1873

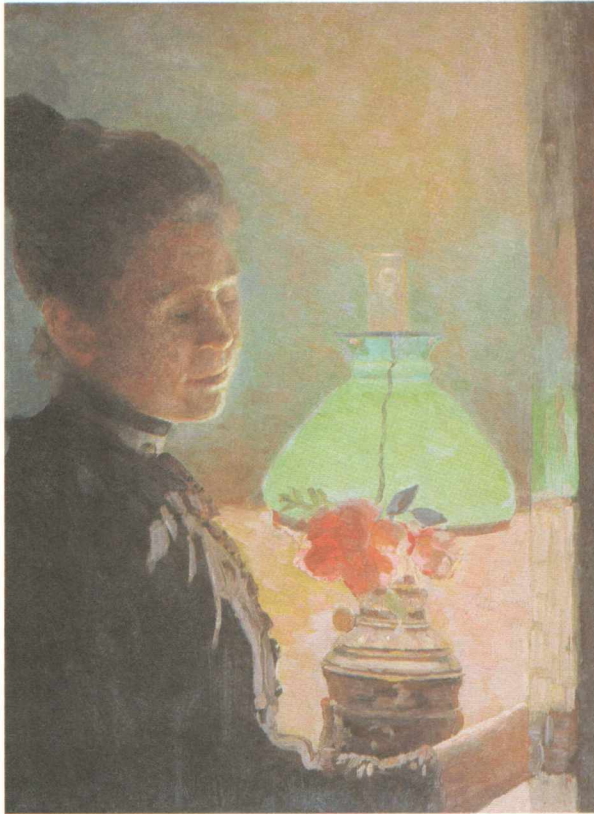
и обмести по полкам гусиным крылышком. Прабабушка Устинья курила в комнатах уксусом и мяткой — запахи мясоедные затомить, а теперь уж повывелось. Только Горкин блюдет завет. Я иду в мастерскую, где у него каморка, и мы с ним ходим и курим ладанцем. Он говорит нараспев молитовку: «Воскурю-у имианы-ладаны... воскурю-у... исчезает дым и исчезнут... тает воск от лица-огня...», — должно быть, про дух скромный. И слышу — наверху, в комнатах, — стук и звон! Это миндаль толкут, к Филипповкам молочко готовят. Горкин знает, как мне не терпится, и говорит:

— Ну, воскурили с тобой... ступай, порадуйся напоследок, уж Филипповки на дворе.

Я бегу темными сенями, меня схватывает Василь Василич, несет в мастерскую, а я брыкаюсь. Ставит перед печуркой на стружки, садится передо мной на корточки и сипит:

— Ах, молодой хозяин... кр-расота Господня!.. Заговелся малость... а завтра «ледяной дом» лить будем... а-хнут!.. Скажи папашеньке... спит, мол, Косой, как стеклышко... ик-ик... — и водочным духом на меня.

Я вырываюсь от него, но он прижимает меня к груди и показывает серебряные часы: «Папашенька подарил... за... поведение!..» Нашаривает гармонию, хочет мне «Матушку-голубушку» сыграть-утешить. Но Горкин ласково говорит:

— Утихомирься, Вася, Филипповки на дворе, гре-эх!..

Василь Василич так, на него, ладошками, как святых на молитве пишут:

— Ан-дел во плоти!.. Панкра-тыч!.. Пропали без тебя... Отмолит нас Панкратыч... мы все за ним, как... за каменной стеной... Скажи папашеньке... от-молит! Всех отмолит!

А там молоко толкут! Я бегу темными сенями. В кухне Марьюшка прибралась, молится Богу перед постной лампадочкой. Вот и Филипповки... скучно как...

В комнатах все лампы пригашены, только в столовой свет, тусклый-тусклый. Маша сидит на полу, держит на коврике, в коленях, ступку, закрытую салфеткой, и толчет пестиком. Медью отзванивает ступка, весело-звонко, выплясывает словно. Матушка ошпаривает миндаль, — будет еще толочь!

Я сажусь на корточках перед Машей, и так приятно миндальным запахом от нее. Жду, не выпрыгнет ли «счастливчик». Маша миндалем

дышит на меня, делает строгие глаза и шепчет: «Где тебя, глазастого, носило... все потолкла!» И дает мне на пальце миндальной кашицы в рот. До чего же вкусно и душисто! Я облизываю и Машин палец. Прошу у матушки почистить миндалики. Она велит выбирать из миски, с доньшка. Я принимаюсь чистить, выдавливаю с кончика, и молочный, весь новенький миндалик упрыгивает под стол. Подумают, пожалуй, что я нарочно. Я стараюсь, но миндалики юркают, боятся ступки. Я лезу под стол, собираю «счастливчиков», а блюдечко с миндаликами уже оставлено.

— Будет с тебя, начистил.

Я божусь, что это они сами уюркивают... может быть, боятся ступки... — и вот они все, «счастливчики», — и показываю на ладошке.

— Промой и положи.

Маша сует мне в кармашек целую горсть, чистеньких-голеньких, — и ласково щечочет мою ногу. Я смотрю, как смеются ее глаза — ясные миндали, играют на них синие зрочки-колечки... и губы у ней играют, и за ними белые зубы, как сочные миндали, хрупают. И вся она будто миндальная. Она смеется, целует меня украдкой в шейку и шепчет, такая радостная:

— Ду-сик... Рождество скоро, а там и мясоед... счастье мое миндальное!..

Я знаю: она рада, что скоро ее свадьба. И повторяю в уме: «Счастье мое миндальное...»

Матушка велит мне ложиться спать. А выжимки-то?..

— Завтра. И так небось скоро затошнит.

Я иду попрощаться с отцом.

В кабинете лампа с зеленым колпаком привернута, чуть видна. Отец спит на диване. Я подхожу на цыпочках. Он в крахмальной рубашке, золотится грудная запонка. Боюсь разбудить его. На дедушкином столе с решеточкой-заборчиком лежит затрепанная книжка. Я прочитываю

*Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.*

*«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».*

*Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.*

Афанасий Фет
1842

Л.В. Попов
ЖЕНЩИНА С ЗЕЛЕННОЙ
ЛАМПОЙ. 1900-е

Н.Н. Ге
ПОРТРЕТ ВНУКА

заглавие — «Ледяной дом». Потому и строим «ледяной дом»? В окнах, за разноцветными ширмочками, искрится от мороза... — звездочки? Взбираюсь на стол, грызу миндалику, разглядываю гусиное перо, дедушкино еще... гусиную лапку вижу, Пелагею Ивановну...

Лампа плывет куда-то, светит внизу зеленоватого... потолок валится на меня с круглой зеленой клеткой, где живет невидный никогда жавороночек... — и вижу лицо отца. Я на руках у него... он меня тискает, я обнимаю его шею... — какая она горячая!..

— Заснул? На самом «Ледяном доме»! Не замерз, а? И что ты такой душистый... совсем миндальный!..

Я разжимаю ладошку и показываю миндалики. Он вбирает губами с моей ладошки, весело так похрустывает. Теперь и он миндальный. И отдается радостное, оставшееся во мне, — «счастье мое миндальное!..»

Давно пора спать, но не хочется уходить. Отец несет меня в детскую, я прижимаюсь к его лицу, слышу миндальный запах...

«Счастье мое миндальное!..»

Введение Пресвятой Богородицы во Храм

4 декабря (21 ноября)

Святые родители Пречистой Девы Марии, Иосиф и Анна, исполняют данный Богу обет — посвятить Ему свое дитя, которое им было даровано по их неустанным молитвам. Не о будущем богатстве дочери пекутся они, не о легкой беспечной жизни, а о ее целомудрии и чистоте души. Трехлетнюю кроху они торжественно приводят в Иерусалимский храм и оставляют там на воспитание.

Шествие, сопровождаемое девочками с зажженными свечами в руках, с торжественным пением приблизилось к храму. На церковном пороге Деву Марию встретил первосвященник Захария. На его глазах

произошло чудо — трехлетняя отроковица Сама, без помощи, поднялась по высоким, недоступным для ребенка ступеням лестницы ко входу в храм.

Пройдут годы, из девочки вырастет «Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим», как будет величать Ее Церковь, Матерь Сына-Бога, а через Него и всего человечества.

Для русской семьи Она первая заступница в самых тяжелых жизненных обстоятельствах. Ее молят о помощи при воспитании детей. О семейном благополучии. К Ней прибегают тогда, когда, кажется, нет выхода, когда не на кого больше надеяться.

Тропарь, глас 4:

*Днесь благоволения Божия преображение
и человек спасения проповедание, в храме Божии
ясно Дева является и Христа всем предвозвещает.
Той и мы велегласно возопиим: радуйся, смотрения
Зиждителя исполнения.*

Икона
ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ. XVI век. Фрагмент

ЗАУТРЕНА СВЯТЫХ

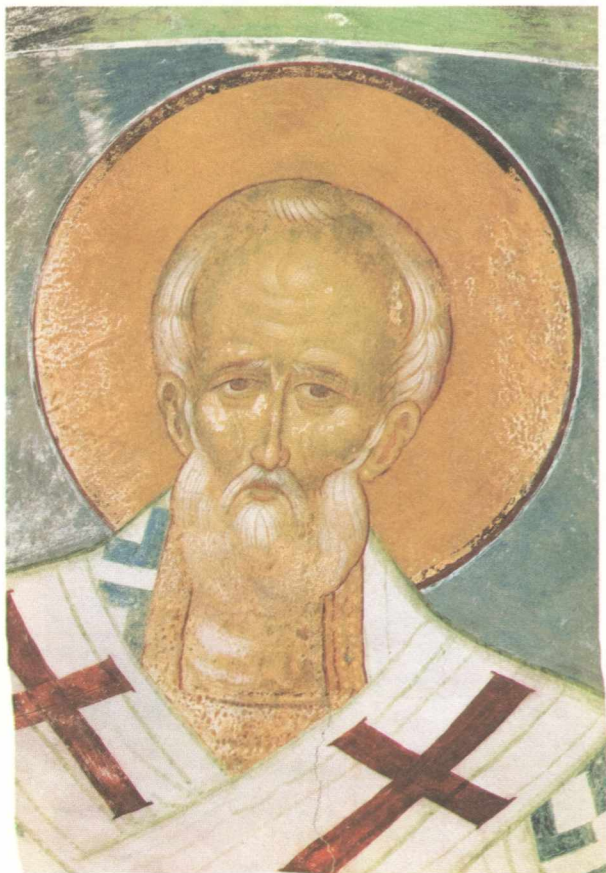
Василий Никифоров-Волгин

Под Новый год

Белые от снежных хлопьев идут вечерними просторными полями Никола-угодник, Сергей Радонежский и Серафим Саровский.

Стелется поземка, звенит от мороза сугробное поле. Завевает вьюжина. Мороз леденит одинокую снежную землю.

Никола-угодник в старом овчинном тулупе, в больших дырявых валенках. За плечами котомка, в руках посох.

Сергий Радонежский в монашеской ряске. На голове скуфейка, белая от снега, на ногах лапти.

Серафим Саровский в белой ватной свитке идет, сторбившись, в русских сапогах, опираясь на палочку...

Развеваются от ветра седые бороды. Снег глаза слепит. Холодно святым старцам в одинокой морозной тьме.

— Ай да мороз, греховодник, ай да шутник старый! — весело приговаривает Никола-угодник и, чтобы согреться, бьет мужицкими рукавицами по заолодевшему от мороза полушубку, а сам поспешает резвой стариковской походкой, только знай шуршат валенки.

— Угодил нам, старикам, морозец, нечего сказать... Такой неугомонный, утиши его, Господи, такой неугомонный! — смеется Серафим и тоже бежит вприпрыжку, не отставая от резвого Николы, гулко только стучат сапоги его по звонкой морозной дорожке.

— Это что еще! — тихо улыбается Сергей. — А вот в лето 1347-е вот морозно было. Ужаси...

— Вьюжит. Не заблудиться бы в поле, — говорит Серафим.

— Не заблудимся, отцы! — добро отвечает Никола. — Я все дороги русские знаю. Скоро дойдем до леса Китежского, а там в церковке Господь сподобит и заутреню отслужить. Подбавьте шагу, отцы!..

— Резвый угодник! — тихо улыбаясь, говорит Сергей, придерживая его за рукав. — Старательный! Сам из чужих краев, а возлюбил землю Русскую превыше всех. За что, Никола, полюбил народ наш, грехами затемненный, ходишь по дорогам его скорбным и молишься за него неустанно?

— За что полюбил? — отвечает Никола, глядя в очи Сергия. — Дитя она — Русь!.. Цвет тихий, благоуханный... Кроткая дума Господня... дитя Его любимое... Неразумное, но любое. А кто не возлю-

Дионисий

♣ СВЯТОЙ НИКОЛАЙ-ЧУДОТВОРЕЦ. XVI век. Фрагмент фрески

М.Г. Абакумов

ДУШИ НЕБЕСНЫЕ. 2002

бит дитя, кто не умилился цветикам? Русь — это кроткая дума Господня.

— Хорошо ты сказал, Никола, про Русь, — тихо прошептал Серафим. — На колени, радости мои, стать хочется перед нею и молиться, как честному образу!

— А как же, отцы святые, — робко спросил Сергей, — годы крови 1917, 1918 и 1919-й? Почто русский народ кровью себя обагрил?

— Покается! — убежденно ответил Никола-годник.

— Спасется! — твердо сказал Серафим.

— Будем молиться! — прошептал Сергей.

Дошли до маленькой, покрытой снегом лесной церковки. Затеплили перед темными образами свечи и стали слушать заутреню.

За стенами церкви гудел снежный Китежский лес. Пела вьюга.

Молились святители Русской земли в заброшенной лесной церковке о Руси — любви Спасовой, кроткой думе Господней.

А после заутрени вышли из церковки три заступника на паперть и благословили на все четыре конца снежную землю, вьюгу и ночь.

Рождество

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Лето Господне»

Рождество уже засветилось: как под Введенье запели за всенощной «Христос рождается, славите: Христос с небес, срящите...» — так сердце и заиграло, будто в нем свет зажегся. Горкин меня загодя укреплял, а то не терпелось мне, скорей бы Рождество приходило, все говорил вразумительно: «Нельзя сразу, а надо приуготовляться, а то и духовной радости не будет». Говорил, бывало:

— Ты вон, летось, морожена покупал... и взял-то на монетку, а сколько лизался с ним, поглядел я на тебя. Так и с большою радостью, еще пуще надо дотягиваться, не сразу чтобы. Вот и приуготовляемся, издали приглядываемся, — вон оно, Рождество-то, уж светится. И радости больше оттого.

И это сущая правда. Стали на крылосе петь сразу и зажглось паникадило, — уж светится будто Рождество. Иду ото всенощной, снег глубокий, крепко морозом прихватило, и чудится, будто снежок поет, весело так похрустывает: «Христос с небес, срящите...» — такой-то радостный, хрящеватый хруст. Хрустят и промерзшие заборы, и наши дубовые ворота, если толкнуться плечиком, — веселый, морозный хруст. Только бы Николаина дня дожидаться, а там и рукой подать: скатишься, как под горку, на Рождество. <...>

Как увидишь — на Конную площадь обозы потянулись, — скоро и Рождество. Всякую живность везут, со всей России: свиней, поросят, гусей... — на весь мясоед, мороженных, пылкого мороза.

К.В. Мирошник
и Н.В. Кургузова-Мирошник
ЗИМНЯЯ СКАЗКА. 2005

А.А. Пластов
ПЕРВЫЙ СНЕГ. 1946

Мама! Глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

Афанасий Фет
9 декабря 1887

Пойдем с Горкиным покупать, всю там Москву увидим. И у нас на дворе, и по всей округе все запасаются помногу, — дешевле, как на Конной, купить нельзя. Повезут на санях и на салазках, а пакечки, с Житной, сами впрягаются в сани — народ потешить для Рождества. Скорняк уж приходил, высчитывал с Горкиным, чего закупить придется. Отец загодя приказывает прикинуть на бумажке, чего для народа взять и чего для дома. Плохо-плохо, а две-три тушки свиных необходимо, да черных поросят, с кашей жарить, десятка три, да белых, на заливное молошничков, два десятка, чтобы до заговин хватило, да индеек-гусей-кур-уток, да потрохов, да еще солонины не забыть, да рябчиков сибирских, да глухарей-тетерок, да... — трое саней брать надо. И я новенькие салазки заготовил, чего-нибудь положить, хоть рябчиков.

В эту зиму подарил мне отец саночки-щегольки, высокие, с подрезами, крыты зеленым бархатом, с серебряной бахромой. Очень мне нравились эти саночки, дивовались на них мальчишки. И вот, заходит ко мне Ленька Егоров, мастер змеи запускать и голубей гонять. Приходит и давай хаять саночки: девчонкам только на них кататься, разве санки бывают с бахромой! Настоящие санки везде катаются, а на этих в снегу увязнешь. Велел мне сесть на саночки, повез по саду, в сугробе увязил и вывалил.

— Вот так са-ночки твои!.. — говорит. И плюнул на мои саночки.

Сердце у меня и заскучало. И стал нахваливать свои, лубяные: на них и в далекую дорогу можно, и сенца можно постелить, и товар возить: вот, на Конную-то за поросятами ехать! Стал я думать, а он и привозит саночки, совсем такие, на каких тамбовские мужики в Москву поросят везут, только совсем малюсенькие, у щепника нашего на рынке выставлены такие же у лавки. Посадил меня и по саду лихо прокатил.

— Вот это так са-ночки! — говорит. Отошел к воротам и кричит: — Хочешь, так уж и быть, променяю приятельски, только ты мне в придачу чего-нибудь... хоть три копейки, а я тебе гайку подарю, змеи чикать.

Я обрадовался, дал ему саночки и три копейки, а он мне гайку — змеи чикать и салазки. И убежал

Б.М. Кустодиев
В БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ. 1922

► ЛОШАДКА
Игрушка из соломы

Вот сани-самокаты,
Разукрашены, богаты,
Разукрашены-раззолочены,
Сафьяном оторочены!

с моими. Поиграл я с саночками, а Горкин и спрашивает, как я по двору покатил:

— Откуда у те такие, лутошные?

Как узнал все дело, так и ахнул:

— Ах ты, самоуправник! Да тебя, простота, он, лукавый, вокруг пальца обернул, папашенька-то чего скажет!.. Да евошным-то три гривенника — красная цена, куклу возить девчонкам, а ты дурачок... идем со мной.

Пошли мы с ним к Леньке на двор, а уж он с горки на моих бархатных щеголяет. Ну, отобрали. А отец его, печник знакомый, и говорит:

— А ваш-то чего смотрел... так дураков и учат.

Горкин сказал ему чего-то от Писания, он и проникся, Леньку при нас и оттрепал. Говорю Горкину:

— А за поросятами на Конную, как же я?..

— Поставим, — говорит, — корзиночку, и повезешь.

Б.В. Зворыкин

▼ СПЕРВА АЗ ДА БУКИ, А ТАМ И НАУКИ
Открытка. 1908

Б.В. Зворыкин

▼ ЕДУ, ЕДУ НЕ СВИЩУ, А НАЕДУ НЕ СПУЩУ
Открытка. 1908

«ВВЕДЕНЬЕ ЛОМАЕТ ЛЕДЕНЬЕ...»

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

В Тульской губернии говорят: «Введенье ломает леденье», а в Рязанской: «На Введенье толстое леденье». В замосковных селениях замечают, что введенские морозы «не ставят зимы». Общее народное замечание, что появляющиеся оттепели с 21 ноября <4 декабря по н. с.> расстраивают зимний путь, основано на многолетних наблюдениях. Со дня Введения начинались зимние торги. В Москве первый зимний торг, с санями, бывал на Лубянке. Здесь были лубяные и санные ряды. Сюда при-

возились расписанные разными красками сани из разных мест. Галицкие сани с позолотой красовались на Лубянке как особенная редкость.

ЕКАТЕРИНИН ДЕНЬ 7 ДЕКАБРЯ (24 НОЯБРЯ)

С сего дня начинаются в городах зимние гулянья на санях. В старину к этому гулянью бывали особенные приглашения. В дом богатого и зажиточ-

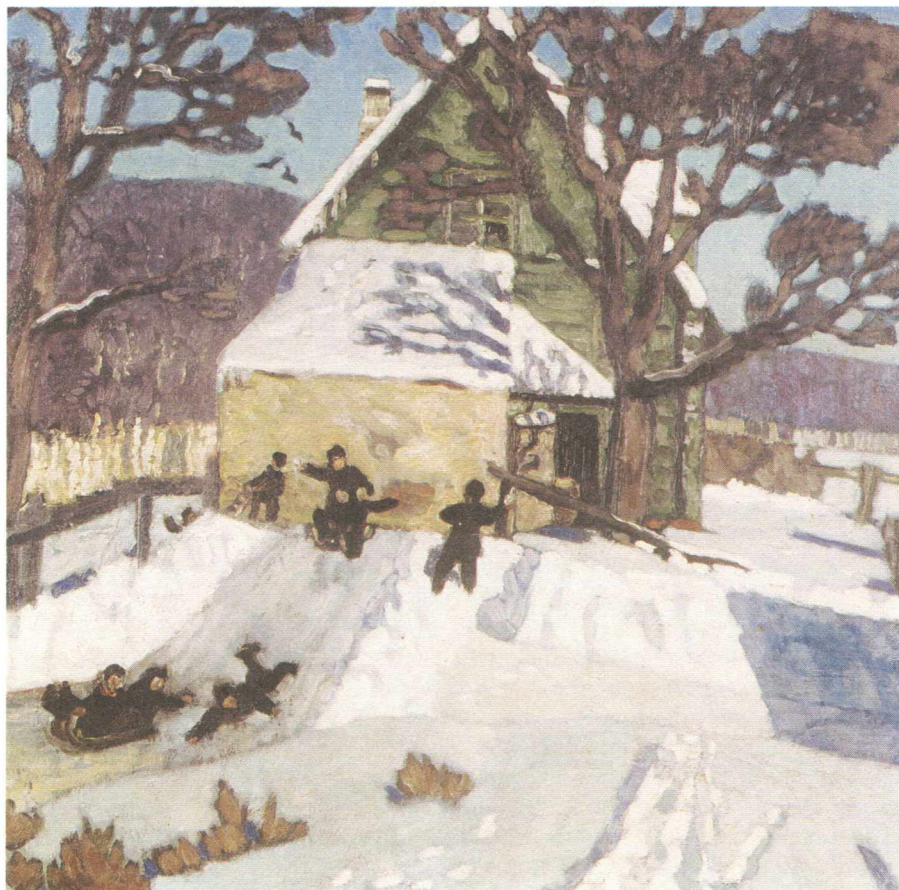
Невелика птичка-пташечка
 Много знала, много видела,
 На сине море летывала.
 Что садилась птичка-пташечка
 Среди моря на камушек.
 Она слушала, выслушивала
 Соловьишка голосу,
 Красных девушек песенок.
 Говорила птичка-пташечка
 Человеческим голосом,
 Говорила любезному своему:
 «Не женись, мой любезный друг!
 Когда женишься — спокаешься,
 С молодой женой намаешься». —
 «Полно, глупая, не дело говорить!
 Люди женятся — не каются,
 С молодыми женами не маются,
 Только в саночках катаются».

Н.П. Крымов
ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ. 1919

Н.Н. Каразин
✦ Открытка. Конец XIX —
начало XX века

В.А. Табурин
✦ ЖЕНА НЕ РУКАВИЦА.
С РУКИ НЕ СНИМЕШЬ,
ЗА ЗАБОР НЕ КИНЕШЬ
Открытка. Конец XIX —
начало XX века

*Леденья пришло,
Зиму в дом привело,
В сани коней запрягло,
В путь-дорожку вывело,
Снег заледенило,
Лед на речке вымело,
Ребят в санки усадило,
С горки покатило!*

ного семьянина, где была осенняя свадьба, сходились все родные смотреть, как поедут новобрачные. За молодыми снаряжался длинный поезд всех родных. Здесь впервые показывалась молодая после свадьбы и, по старому обычаю, должна была раскланиваться всем соседям. Сани новобрачных всегда отличались пред другими: их или расписывали красками «с выводами», или позолачивали сусальным золотом. Боярские сани украшали волчьей и медвежьей меха. Поездом новобрачных управляли самые близкие родственники.

Свекор и свекровь, отправляя свою невестку на гулянье, просили провожатых беречь молодую от всякой беды, а более всего от лихого глаза. Подле порога, в сенях, постилали овчинную шубу на выворот. Когда приезжали с гулянья, на этой шубе свекор и свекровь встречали свою невестку. Здесь провожатые сдавали с рук на руки молодых. Вечерняя пирушка оканчивала торжество.

Маленьким детям, именинницам, посылали в подарок «козырные» санки с куклами. Эта обязанность лежала на тещах и крестных матерях.

Рождество Христово

7 января (25 декабря)

Не в образе императора, который принесет материальное благосостояние народу, не в образе воина, который спасет его от врагов, является на землю долгожданный Миссия — Он рождается от самой скромной и смиренной из дев, от Той, для которой даже не находится достойного человеческого места для разрешения Ее от божественного бремени. Место рождения Сына-Бога — пещера для скота, хлев; пучок соломы — перинка, согревающая Его божественное младенческое тельце. Какая великая тайна! Но в ней, в этой тайне — ключ к пониманию роли Иисуса Христа на земле. Люди хотели, чтобы Бог принес им земное изобилие, изменил окружающий мир, но для изменения внешней жизни им нужно было изме-

ниться прежде самим, исцелиться от смертельной внутренней болезни — греха, который в той или иной мере гнездится в сердце каждого человека. Ради этого исцеления Сын Божий, оставаясь совершенным бессмертным Богом, стал простым смертным человеком. Будучи Сам совершенно безгрешным, принял на себя все страдания, которые только возможны на этой земле, чтобы этими страданиями искупить весь человеческий род от господствующего над ним греха.

Как близок был во все времена этот нечеловеческий подвиг, эта великая жертва каждому сердцу, и знатному, и самому не приметному человеку. И потому каждый, кто обращался и обращается к Нему за помощью, всегда получает просимое.

Тропарь, глас 4:

*Рождество Твое, Христе Боже наш,
возсия мирови свет разума,
в нем бо звездам служащим, звездою учахуся,
Тебе кланялися, Солнцу правды, и Тебе ведети
с высоты Востока. Господи, слава Тебе.*

Икона
РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. XVI век

РОЖДЕСТВО

Иван Шмелев. Отрывок из книги «Лето Господне»

Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. Ну, что же... Не поймешь чего — подскажет сердце.

Как будто я такой, как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он — редко, выпадет — и стаял. А у нас, повалит, — свету, бывало, не видать дня три! Все завалит. На улицах — сугробы, все бело. На крышах, на заборах, на фонарях, — вот сколько снегу! С крыш свисает. Висит — и рухнет, мягко, как мука. Ну, за ворот засыплет. Дворники сгребают в кучи, свозят. А не сгребай — увязнешь. Тихо у нас зимой и глухо. Несутся санки, а не слышно. Только в мороз визжат полозья. Зато весной услышишь первые колеса... — вот радость!..

Наше Рождество подходит издалека, тихо. Глубокие снега, морозы крепче. Увидишь, что мороженых свиней подвозят, — скоро и Рождество. Шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче — белугу, осетрину, судачка, наважку; победней — селедку, сомовину, леща... У нас, в России, всякой рыбы много. Зато на Рождество — свинину, все. В мясных, бывало, до потолка навалят, словно бревна, — мороженые свињи. Окорока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами, — разводы розовые видно, снежком запырило.

А мороз такой, что воздух мерзнет. Инеем стоит, туманно, дымно. И тянутся обозы — к Рождеству. Обоз? Ну будто поезд... только не вагоны, а сани, по снежку, широкие, из дальних мест. Гусем, друг за дружкой, тянут. Лошади степные, на продажу. А мужики здоровые, тамбовцы, с Волги, из-под Самары. Везут свинину, поросят, гусей, индюшек, — «пылкого морозу». Рябчик идет, сибирский, тетерев-глухарь... Знаешь — рябчик? Пестренький такой, рябой... — ну, рябчик! С голубя, пожалуй, будет. Называется — дичь, лесная птица. Питается рябиной, клюквой, можжевелькой. А на вкус, брат!.. Здесь редко видишь, а у нас — обозами тянули. Все распродадут, и сани, и лошадей, закупают красное товару, ситцу, — и домой, чугушкой. Чугунка? А железная дорога. Выгодней

в Москву обозом: свой овес-то, и лошади к продаже, своих заводов, с косяков степных.

Перед Рождеством, на Конной площади, в Москве, — там лошадьми торговали, — стоит. А площадь эта... — как бы тебе сказать?.. — да попросторней будет, чем... знаешь, Эйфелева-то башня где? И вся — в санях. Тысячи саней, рядами. Мороженые свињи — как дрова, лежат на версту. Завалит снегом, а из-под снега рыла да зады. А то чаны, огромные, да... с комнату, пожалуй! А это солонина. И такой мороз, что и рассол-то

